

Дауева Тамара Тамерлановна

**КОНФЛИКТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ БРАКА, И СПОСОБЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ В
ТРАДИЦИОННОМ ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Статья посвящена этнографии традиционных брачных обрядов осетин XIX-XX вв. На материалах периодической печати, архивных документов, опубликованных источников, авторских полевых исследований рассматриваются конфликты, возникающие при заключении брака: связанные с нюансами уплаты калыма, процедуры сватовства. Особое место отводится такой традиционной форме заключения брака, как брак путем умыкания девушки. Отмечаются изменения обрядности, связанные с развитием товарно-денежных отношений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/10-1/13.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 61-65. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. 164 с.
2. Всеподданнейший отчет за 5-е управление Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1910. 35 с.
3. Всеподданнейший отчет за 8 лет по управлению Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. 65 с.
4. Государственная дума. Третий созыв: стенографические отчеты. СПб., 1909. Сессия 2. Ч. 2.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1.
6. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. № 11-12.
7. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб.: ЛИСС, 1998. 1004 с.
8. Законодательные акты переходного времени 1904-1906 гг. СПб., 1907.
9. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность: начало XIX – начало XX в. СПб.: Звезда, 2005. 720 с.
10. Кавказский запрос в Государственной Думе: полные речи всех ораторов по официальным стенограммам. Тифлис, 1909. 101 с.
11. Красный архив. 1929. Т. 34.
12. Красный архив. 1935. Т. 73.
13. Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. 555 с.
14. Российская многонациональная цивилизация: единство и противоречия / отв. ред. В. В. Трепавлов. М.: Наука, 2003. 377 с.
15. Флоринский М. Ф. Совет Министров и Кавказское наместничество в 1905-1914 гг. // Вестник ЛГУ. 1984. № 2.
16. Центральный государственный архив Республики Северной Осетии-Алании (ЦГА РСО-А). Ф. 224. Оп. 1.
17. Шпакова Р. П. Макс Вебер о демократических реформах в России в начале XX в. // Макс Вебер, прочитанный сегодня. СПб.: С.-Петербург. государственный университет, 1997. 213 с.

CENTRAL AND LOCAL GOVERNMENT IN THE RUSSIAN EMPIRE: PROBLEM OF INTERACTION BETWEEN STATE DUMA, COUNCIL OF MINISTERS AND CAUCASIAN GOVERNORSHIP (1905-1917)

Darchieva Svetlana Valer'evna, Ph. D. in History

*North-Ossetian Institute of Classical and Social Researches named after V. I. Abaev of Vladikavkaz Scientific Center
of Russian Academy of Sciences and Government of the Republic of North Ossetia-Alania
svetik-dar70@mail.ru*

The system of the Caucasian governor-general's relations with the new power institutions (Council of Ministers and State Duma) of the Russian Empire, which appeared during the political reform of 1905-1906, is analyzed. The author reveals the reasons that did not allow establishing a necessary interaction between them. Split and conflicts within the government camp reduced the efficiency of the Caucasian governor-general's work complicating difficult situation in the region.

Key words and phrases: State Duma; Council of Ministers; Caucasus governorship; Russian revolution of 1905-1907.

УДК 392.5

Исторические науки и археология

Статья посвящена этнографии традиционных брачных обрядов осетин XIX-XX вв. На материалах периодической печати, архивных документов, опубликованных источников, авторских полевых исследований рассматриваются конфликты, возникающие при заключении брака: связанные с нюансами уплаты калыма, процедуры сватовства. Особое место отводится такой традиционной форме заключения брака, как брак путем умыкания девушки. Отмечаются изменения обрядности, связанные с развитием товарно-денежных отношений.

Ключевые слова и фразы: умыкание; калым; сватовство; адаты; обычное право; осетинские обычаи.

Дауева Тамара Тамерлановна

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
tdaueva@mail.ru*

**КОНФЛИКТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ БРАКА, И СПОСОБЫ
ИХ РАЗРЕШЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ[©]**

Общепринятой и самой распространенной формой заключения брака у осетин XIX-XX вв. являлось сватовство по взаимномуговору между семьями жениха и невесты. Затем начиналась длительная подготовка к свадебному торжеству.

Выбор кандидатур как невесты, так и жениха часто зависел от их родителей. Свадебные обряды начинались с организации сватовства. Семья молодого человека тщательно выбирала сватов из числа родственников и соседей, как правило, от 3 до 5 самых авторитетных мужчин. В соответствии с традиционными представлениями семья девушки давала положительный ответ только после третьего, а то и больше, визита сватов. После получения согласия на брак тотчас же назначался день официального сговора – *фидыд* (соглашение) [15, с. 7]. В этот день было принято оставлять задаток в семье невесты примерно в 5 или 10 рублей, корову или лошадь. Только после этого сватовство считалось свершившимся, и отказ от этой договоренности мог повлечь серьезные последствия, вплоть до кровной мести. Представители зажиточных сословий Осетии преподносили отцу и матери невесты коня – *фыды-бах, мады-бах* [Там же, с. 13].

Если по какой-то причине сторона жениха расторгала помолвку, задаток не возвращался, более того, жених был вынужден нести частное наказание, которое заключалось в выплате от 25 до 50 рублей в пользу стороны невесты. Для безнаказанного расторжения помолвки требовались веские причины и доказательства [4, с. 64]. К примеру, известен случай, когда некий Гаппо С., засватав Н., узнал, что она имеет близкие отношения с Б. Он потребовал возвращения задатка, на что получил отказ от отца невесты. Тогда жених обратился к старшине с просьбой разобраться в этом деле в судебном порядке. Во время судебного слушания соседка невесты сообщила, что неоднократно была свидетелем встреч девушки и молодого человека. Суд постановил вернуть Г. задаток, а также ввиду оскорбления его чести уплатить ему 15 рублей [14].

Размер *ипрада* (калыма) определяли до заключения помолвки путем устного договора между семьями. Калымом являлась та сумма, которую семья жениха выплачивала за невесту. Сначала эта сумма определялась свободным договором. Размеры калыма устанавливались, исходя из родовитости фамилии. Установленный размер калыма для каждой фамилии оставался неизменным. Чаще всего он выплачивался мелким и крупным рогатым скотом, являющимся главным эквивалентом при обмене, а также дорогими вещами, среди которых особенно ценились медный котел для варки пива и оружие. В начале XIX века размер калыма составлял 30-100 быков. Ружье и пивоваренный котел оценивались в шесть быков, шашка – в два-три быка [12]. В сборнике адатов 1844 года в Дигорском обществе старшине за дочь полагался калым в размере 60 голов рогатого скота, тогда как у фарсаглагов он составлял 10 голов. По получении калыма старшина раздавал по 3 скотины ближайшим родственникам – братьям и дядям. В Тагаурском обществе за девушку отдавали 100 быков или 1000 рублей серебром. Куртатинское общество установило калым размером в 100 коров [4, с. 40-44]. Калым не соответствовал экономическому положению народа и вел к разорению сельского хозяйства – единственного источника существования.

В эпоху пореформенной модернизации, в период перехода к товарно-денежным отношениям, роста цен, расслоения и массового обнищания людей, размер калыма резко возрос, и, кроме того, его стали требовать в денежной форме.

В сборнике адатов 1866 года у бадият – высшего сословия Дигорского общества полагался калым в 650 рублей, за девушку из низшего сословия уплачивали 150 рублей. Высшее сословие Тагаурского общества установило калым в размере 420 рублей [Там же, с. 67-68].

Как правило, калым выплачивался родственникам дробно. Сама невеста была не вправе принимать калым; он являлся собственностью семьи невесты. Если ее отец был в живых, то он принимал калым, если нет, то он передавался братьям невесты, а в случае отсутствия братьев – родственникам по мужской линии. Преимущество отдавалось тем, в чьем доме невеста воспитывалась [3, с. 245].

В начале XIX столетия жениться мог тот, кто уплачивал калым в короткий срок. С замужеством девушка уходила из своего рода и подчинялась власти мужа. Она находилась на его полном содержании и не владела никаким собственным имуществом. Позже 1/3 калыма отдавалась в полное распоряжение невесты.

Если брак не состоялся после уплаты полного размера калыма или одной его части, то уплаченное следовало возвратить [4, с. 41].

Когда калым был уплачен, назначался день свадьбы. Брак считался заключенным с того момента, когда жених, по окончании свадебного торжества, переступал порог дома, в котором жила его невеста. Однако очень часто уплата калыма отсрочивалась. Брак не считался законным до полной уплаты калыма [6, д. 109, л. 29].

В осетинском обычном праве спорным вопросом считались обстоятельства повторного бракосочетания вдовы или разведенной женщины. Известно, что члены Тагаурского общества вынесли общее решение выплачивать калым за вдову только по согласию обеих фамилий. Единственным условием было то, что калым за вдову или разведенную женщину должен был быть меньше, чем за девушку. В Куртатинском обществе за молодую вдову устанавливали калым такого же размера, что и за девушку, то есть 100 коров, за женщину в возрасте платили не более 20 быков [4, с. 42-43]. В сборнике адатов 1866 года Дигорское общество установило калым за вдову в размере 500 рублей; в Тагаурском обществе алдары требовали 420 рублей калыма как за девушку, так и за вдову [Там же, с. 69]. Нередко калым присваивали себе не только родственники жены, но и родственники покойного мужа.

Заключение брака не обходилось без значительных издержек для семьи невесты, которая готовила угощения («*сиахсыцыд*») для первого прихода жениха в дом невесты. Поэтому, отменяя калым, общественный приговор 1879 года решительно высказывается против и этого обычая, состоящего в том, что нареченный жених и его сверстники, числом не менее 12, а чаще всего от 60 до 120 человек, отправлялись в дом невесты и пировали там, по меньшей мере, 2 дня, разоряя тем самым семью невесты [3, с. 246].

Если жена уходила от мужа без значимых причин, то ее родственники были обязаны вернуть выплаченный за нее калым. Если муж разводился с женой, то адат определял, какую часть калыма родственники

жены должны были вернуть. При основательных причинах развода муж имел право требовать от ее родственников возвращения 1/3 калыма. Если муж прогонял жену по собственному желанию, он должен был выдать ей и часть калыма. У осетин-христиан жена получала известное имущество: 1/3 часть калыма уступалась родителями в ее пользу, и этой частью муж был вправе распоряжаться только с ее согласия; в случае развода она полностью переходила во владение жены. Осетинский обычай признавал за мужем право в любое время прогнать жену. Однако только в случае, когда указана основательная причина для развода, муж был вправе требовать возвращения 1/3 калыма, которая в противном случае перешла бы к жене [Там же, с. 256].

Умыкание («скъафт») у осетин не являлось нормой обычного права и могло вызывать негативные последствия, вплоть до кровомщения.

Эта острая социальная проблема была самой обсуждаемой в периодической печати пореформенного времени. Газеты «Терские ведомости», «Северный Кавказ», «Терек», «Казбек» публиковали многочисленные статьи с описанием конкретных ситуаций, которые сегодня являются достаточно репрезентативным источником для изучения целого ряда вопросов, связанных с трансформацией традиционной культуры, а именно такого конфликтогенного явления, как похищение девиц, – его форм, последствий и способов урегулирования.

Умыкание девиц случалось по различным причинам. Вот некоторые из них.

Если парень любил девушку, он мог ее засватать. Однако семья не всегда принимала сватовство. Семья невесты обращала внимание на условия жизни жениха, на родовитость фамилии и на его возможность быстро уплатить калым. Если их что-нибудь не устраивало, они придумывали отговорку, почему не могли выдать свою дочь. В том случае, если один из претендентов на руку девушки был из другого осетинского общества, а второй являлся односельчанином, то предпочтение отдавалось последнему [6, д. 64, л. 61].

Если несколько парней сватали одну и ту же девушку, то один из них, опасаясь выбора не в его пользу, решался на умыкание. Хотя зажиточные женихи в таких случаях могли предложить семье невесты двойной калым.

Бывали случаи умыкания и без сватовства. Когда парень по какой-то причине предвидел отказ, то он подговаривал своих друзей и похищал девушку.

Если у девушки были старшие незамужние сестры, то какой бы калым парень ни предлагал, он всегда получал отказ, так как младшая сестра не могла выйти замуж до тех пор, пока не выйдут старшие. В таких случаях парень решал вопрос путем умыкания девушки (ИМА, 2012 год. Записано со слов Н. В. Бестаевой, 1932 г.р., РСО-Алания, с. Эльхотово).

Умыкание в большинстве случаев происходило по взаимному сговору жениха и невесты. С помощью посредника они назначали дату и время похищения.

К похищению девиц прибегали бедные крестьяне с целью сокращения свадебных расходов.

Похищение девицы происходило следующим образом: среди родственников или соседей девушки парень находил помощника, через которого передавал информацию девушке. Через того же посредника парень узнавал, в какой комнате ночует девушка и в какое время суток какого дня лучше организовать ее похищение.

Затем он обращался за помощью к самым близким друзьям, которые, по его мнению, ему могли помочь в этом деле. Обычно это были его друзья, ровесники, которые могли быть и из других селений. Парень сначала определялся с местом, куда он увезет девушку. Похитители невесты собирались в определенном месте, так, чтобы никто не узнал повода, и обсуждали план умыкания. Похитителей могло быть от 10 до 30 человек. Они избирали лидера, который руководил планом действий и распределением обязанностей.

Для начала похитители всегда ставили целью добиться своего и обязательно украсть девушку, независимо от обстоятельств. Интересно, что иногда были жертвы со стороны похитителей, но сами они редко использовали оружие по отношению к родственникам невесты, так как это считалось большим позором [10].

Обычно они оставляли своих лошадей недалеко от дома невесты, пробирались в ее комнату, завязывали рот, чтобы не кричала и не звала на помощь. Когда они добивались до своих лошадей, то девушка обычно просила, чтобы ее отвез на своем коне тот, кто ее крадет. Заранее ей готовили одежду, в которую она переодевалась, так как обычно умыкание происходило ночью, и она бывала в одной рубашке.

Если парень девушке не мил, то она не подпускала его к себе и пыталась убежать. Бывали случаи самоубийства со стороны девушки, если семье не удавалось вернуть ее домой. Если семья девушки вовремя обнаруживала пропажу, то им иногда удавалось отобрать девушку. Очень часто похитителям удавалось так хорошо ее спрятать, что семья несколько месяцев не могла ее найти [5, с. 307].

Семья парня бывала озабочена тем, чтобы помириться с семьей девушки. Несмотря на то, что умыкание происходило довольно часто, процедура примирения двух фамилий была довольно болезненная. Родственники парня старались не встречаться с родственниками девушки до окончательного примирения, понимая, что нанесли серьезную обиду фамилии девушки. Если девушка была знатного происхождения, а парень нет, то ее семья могла начать кровную месть. Вот почему семья парня пыталась не встречаться с семьей девушки до полного примирения [6, д. 88, л. 245].

Семья жениха пыталась ускорить этот процесс, поскольку считалось постыдным, если обе фамилии долгое время не могли примириться. Для этого они обращались за помощью к авторитетным мужчинам селения, их отправляли в дом невесты для того, чтобы они извинились и примирили семьи. Делегаты семьи жениха приезжали к дому невесты, слезали с коней и засылали в дом посредника, который объяснял цель их визита. После глава семьи выходил к мужчинам, самый старший из которых просил извинить за дерзость, говоря, что они явились в его дом по просьбе тех, кто нанесли им тяжелую обиду и оскорбили не только его, но и всю фамилию и селение. После этого он от имени семьи просил извинить семью и фамилию. Глава

семьи обычно давал ответ следующего содержания: «Нам нанесли тяжелую обиду, они нас опозорили, вломившись в дом. Мы не породнимся с этой фамилией, но Вы, наши старшие, вы оставили свои дела и заботы, для того чтобы помирить нас, и мы Вас очень уважаем и стесняемся вас. Спасибо вам за то, что согласились помочь двум фамилиям и не оставили нас в беде» [Там же, л. 11]. Каждый из посредников просил не отправлять их обратно без положительного ответа, на что глава семьи отвечал, что у него есть родственники, и он не может дать ответ, не посоветовавшись с ними. Тогда посредники, поблагодарив его, уходили. В следующий раз к тем же посредникам добавлялись старшина селения или почетные старики, чьей помощью заранее заручалась семья. Происходила та же самая процедура. Глава семьи выходил обычно с мужчинами из своей фамилии и сыновьями. Старший из посредников опять приносил извинения от имени обидчиков, а после него человек из селения от имени всего селения просил фамилии помириться. Глава семьи заявлял, что не может один принимать решение о примирении и не может отвечать за всю фамилию, поэтому сначала ему необходимо посоветоваться с родственниками. Посредники ставили условие, что не уйдут с его двора, пока не получат согласие на примирение, и уговаривали его посоветоваться с теми, кто в доме. После совещания родственников невесты глава семьи выходил и произносил речь следующего содержания: «Вы, наши старшие, вы оставили свои дела и работы, для того чтобы помирить нас, и мы Вас очень уважаем и стесняемся вас. Ради вас мы прощаем тех, кто нас так опозорил, такие почетные мужчины, как вы, не должны уходить от нас с отрицательным ответом» [Там же, л. 13]. После этого старшина селения благодарил семью за понимание и принятие правильного решения, за уважительное отношение к селению и фамилии, которая просит прощение. Затем старший из посредников благодарил главу семьи за подобающее к ним отношение. Затем трое мужчин из семьи невесты, двое из семьи жениха и один мужчина из посредников направлялись в дом семьи жениха. Здесь для них готовили угощения. Во время своего посещения семьи жениха гости узнавали подробности похищения девушки: кто жених, кто помогал ему в умыкании, почему он решил украсть ее, а не воспользовался принятой формой брака – сватовством и так далее. После услышанного сторонники семьи невесты говорили о том, что, несмотря на похищение девушки, семья жениха должна уплатить за нее определенную сумму. Только после уплаты этой суммы происходило окончательное примирение двух фамилий. Семья жениха готовила угощение, приглашала родителей и родственников невесты для знакомства и примирения.

Разрешения конфликтов по умыканиям в большинстве своем так и происходили, но бывали случаи, когда братья похищенной девушки врывались в дом парня и если находили кого-нибудь из мужчин, то убивали, давая повод к началу кровной мести. Бывало, что они могли украсть из фамилии или семьи парня незамужнюю девушку и выдать ее за кого-нибудь из своей фамилии. Во время сбора полевого материала нам стал известен такой случай. Некий Абисалов Беппа похитил девицу из знатной фамилии Цаликовых, жительницу селения Карца. Братья Цаликовой устроили погоню, во время которой был убит друг Беппа Текаев. Но Цаликовы были решительно настроены отомстить. Они совершили набег на дом Куловых в селении Хумалаг, полагая, что украденную девушку прячут в доме, где жила сестра Абисалова Госагиз. Действительно, девушку прятали в этом доме, но успели увести ее в Ингушетию, где Абисалову помогли его друзья. Тогда Цаликовы решились выкрасть его сестру, но не застали ее дома. Хотели украсть жену брата Беппа Дину Дзантиеву, но, к ее счастью, среди мстителей оказался близкий родственник, не допустивший ее похищения. Цаликовы в результате похитили девицу Чабахан Абисалову и бросили клич среди фамилии: «Кай хъау, уый йе аканад» («Пусть берет ее тот, кому она нужна»). Взял ее в жены некий Цалык Цаликов, с которым она прожила долгую и счастливую жизнь, несмотря на то, что их брак был результатом раздора между двумя фамилиями.

Цаликовы долго не хотели идти на примирение, считая себя оскорбленными, особенно долго упорствовала мать девушки. Жили они несколько лет в Грозном и вернулись в Осетию с двумя детьми (ПМА, 2011 год. Записано со слов Л. К. Кануковой, 1935 г.р., РСО-Алания, г. Владикавказ).

Калым был главной причиной поздних браков у осетин. Чтобы жениться, мужчина в течение ряда лет вынужден был работать, уезжать на заработки. Это стало причиной широкого распространения отходничества, в том числе и за рубеж. В прессе описан такой случай: некий А. Тогоев и М. Туккаева питали друг к другу взаимную симпатию. Тогоев, посватавшись к Туккаевой, не смог сразу уплатить искомый калым и, чтобы собрать нужную сумму, уехал на заработки в Америку. Долго девушка ожидала его возвращения, но он так и не вернулся, пропав без вести [10].

Бывали случаи, когда родители невесты не уступали в просьбе сократить размер калыма. Житель с. Гизель увез девицу, имевшую отца и братьев. С него братья невесты взяли калым в 600 рублей, а отец невесты потребовал в виде подарка хорошую верховую лошадь с седлом за то, что он согласится приехать в его дом для примирения [2].

Калым стал тем фактором, которым в большей мере обуславливалось, помимо умыкания, множество негативных последствий в жизни осетин – убийства во время погони, кровная месть, семейные раздоры, превращение женщины в предмет купли-продажи. Житель с. Карджин старик М. направлялся в Санибанское ущелье. Его дочь была просватана за жителя Беслана Б. Ввиду отсутствия средств, чтобы выплатить калым, он с товарищами устроил засаду в безлюдном месте ущелья и, напав на родителей, отнял у них свою невесту. Родители обратились к сельским властям, которые передали это дело во Владикавказский окружной суд. Похитителей наказали, но не за похищение девушки М., а за сопротивление властям [8, с. 89].

Против калыма и других «разорительных обычаев» активно выступала и российская администрация, заинтересованная в платежеспособности населения. Она уговаривала сельские сходы принимать «приговоры» о запрете или сокращении размера калыма. В 1859 г. начальник округа обратился к собранным во Владикавказе представителям осетин с речью, которая впоследствии была разослана в виде циркуляра по всем обществам. Были затронуты вопросы местной жизни, начиная с кровной мести, калыма, поминок и т.д. [11]. Приговоры составлялись, принимались сельскими сходами, но в реальной жизни никто не хотел начинать с себя нарушение традиции. В местной периодике зафиксировано, что первыми, кто выдали замуж дочерей без калыма, были Татари Саламов и Хатахцо Ходов [7, с. 297].

По настоянию полковника Муссы Кундухова, начальника Военно-осетинского округа, плата на невесту «ирад» была отменена самими осетинами в конце 70-х годов, и эта отмена была подтверждена общественным приговором в 1879 году. Приговор был подписан представителями Тагаурского, Куртатинского и Дигорского обществ Осетии [9, с. 20-21].

Впоследствии, в годы Советской власти, борьба против формы брака уходом, как и против выкупа за невесту, продолжалась. В 1923 году калым был запрещен законодательно, а за получение и уплату калыма обвиняемые приговаривались к пяти годам лишения свободы и конфискации имущества [1, с. 57].

Каждая традиция в процессе исторического развития, особенно в переломные эпохи, приобретает новации, трансформируется, порождает промежуточные компромиссные формы. Мирный исход конфликта является следствием утраты в современном быту осетин таких последствий умыкания, как калым и кровная месть.

Список литературы

1. Дзалаева К. Р. Трансформация традиционной повседневности осетин в процессе российско-осетинского культурного взаимодействия (вторая половина XIX – начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23). Ч. 2. С. 57-60.
2. Казбек. 1901. № 29.
3. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. М., 1886. Т. 2.
4. Леонтович Ф. И. Адагы кавказских горцев. Одесса, 1882.
5. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974.
6. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (НА СОИГСИ). Ф. 4. Оп. 1.
7. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1982. Т. II.
8. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л. А. Чибиров. Владикавказ: Ир, 2006. Т. VI.
9. Приговор осетинского народа. Владикавказ, 2011.
10. Пфаф В. Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т. 1, 2.
11. Северный Кавказ. 1896. № 36.
12. Терские ведомости. 1887. № 4.
13. Терские ведомости. 1894. № 96.
14. Терские ведомости. 1895. № 7.
15. Шанаев Дж. Т. Свадьба у северных осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 4.

CONFLICTS RELATED TO MARRIAGE AND WAYS OF THEIR SOLUTION IN TRADITIONAL OSSETIAN SOCIETY

Daueva Tamara Tamerlanovna

*North Ossetia Institute of Classical and Social Researches named after V. I. Abaev
tdaueva@mail.ru*

The article is devoted to the ethnography of the Ossetians' traditional marriage ceremonies of the XIXth-XXth centuries. Conflicts that arise in marriage including nuances associated with the payment of dowry, and the procedures of matchmaking are considered by the materials of periodicals, archival documents, published sources, and the author's field researches. Special place is given to such traditional form of marriage as marriage by the abduction of the girl. Changes in rituals associated with the development of commodity-money relations are mentioned.

Key words and phrases: abduction; dowry; matchmaking; adats; customary law; Ossetian customs.